

налистское воспитание трудящихся остается важнейшим направлением: идеологической работы.

Советские этнографы, разумеется, прекрасно сознают необходимость дальнейших исследований этносоциальных, этнокультурных, этнодемографических аспектов жизни народов нашей страны. В первую очередь это относится к изучению использования культурных традиций народов для решения тех социальных задач в развитии нашего общества, которые были выдвинуты XXVI съездом партии, последующими пленумами и документами ЦК КПСС.

К. В. Чистов

ТРАДИЦИЯ И ВАРИАТИВНОСТЬ*

В последние годы этнографы Советского Союза дважды обсуждали общие проблемы теории традиции — в 1978 г. в Ереване на симпозиуме по этническим культурам¹ и в 1981 г. на страницах журнала «Советская этнография»². Кроме того, в СССР, как и в других странах, вся текущая исследовательская работа этнографов так или иначе связана с проблемой традиции, и это, разумеется, способствует накоплению практического опыта ее осознания.

Упоминавшиеся дискуссии, если иметь в виду только вопросы, относящиеся к теме настоящей статьи, привели к выводам, которые вкратце можно было бы передать следующим образом. Привычное для этнографии деление человеческих обществ на «традиционные» и «нетрадиционные» принципиально неверно. Иллюзию нетрадиционности (= бестрадиционности?) создает убыстренный темп развития современного урбанизированного общества и новый механизм трансмиссии культуры, который резко понизил роль старшего поколения, семьи и других первичных социальных групп в передаче и сохранении традиций. Эту иллюзию поддерживают также не только решительное усовершенствование многих сторон быта (например, строительство теплоцентралей, использование холодильников, стиральных машин и т. д.), но даже некоторые художественные течения современности, намеренно демонстрирующие свой разрыв с традицией или деструкцию ее (негармоническая музыка, абстракционизм в живописи, антироман, театр абсурда и т. д.). Однако легко показать, что желая во чтобы то ни стало зарекомендовать себя «антикультурой», эти течения внутренне по-прежнему ориентируются на традицию, которую они столь решительно отвергли. Характерно, что, пережив бурный период деструкции, они, как правило, обращаются к более архаической традиции, чем отвергнутая (так называемый стиль «каунтри», все разновидности стиля «ретро», так называемое неофигуративное искусство и т. д.).

Если культуру понимать (в соответствии с теорией, развитой Э. С. Маркаряном) как определенный способ деятельности общества, его адаптационно-адаптирующий механизм³, то следует признать, что каждое человеческое общество для того, чтобы функционировать, должно иметь сложившуюся систему культуры. Если столь же обобщенно по-

* В основу статьи положен вводный доклад на симпозиуме «Постоянство и изменчивость в культурных системах в странах современной Европы» II конгресса Международного общества европейской этнологии и фольклора (Суздаль, 30 сентября — 6 октября 1982 г.).

¹ См. Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978.

² Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции. — Сов. этнография, 1981, № 2, с. 78—96. Обсуждение статьи Э. С. Маркаряна: там же, № 2, с. 97—115; № 3, с. 45—78.

³ Маркарян Э. С. Очерки теории культуры. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1969.

дойти к понятию «традиция», можно было бы сказать, что термины «культура» и «традиция» в определенном теоретическом аспекте синонимичны или, может быть, точнее, почти синонимичны. Термин «культура» обозначает сам феномен, а «традиция» — механизм его формирования, трансмиссии и функционирования. Иными словами, традиция — это сеть (система) связей настоящего с прошлым. При помощи этой сети совершается отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся. Произнося слова «культура» и «традиция», мы подразумеваем не одноразовые явления, побочные или случайные для истории, а те, что имеют значение для человечества или по крайней мере для определения социальной общности (от племени или первичной локальной группы до нации), т. е. опыт, накапливающийся в виде системы стереотипов человеческой деятельности (активности) и результатов этой деятельности, представлений о тех и других и, наконец, способов их обозначения или символизации⁴. Так же, как культура в целом, традиция — это коллективная память (т. е. память не биологическая, а социальная, по определению Ю. М. Лотмана)⁵.

Таким образом, общества разного типа различаются не наличием или отсутствием традиций, а особым содержанием их, особыми способами их трансмиссии и формами их функционирования. Традиция же предполагает устойчивость (длительность — континуитет) функционирования форм культуры и тем самым наличие факторов, которые ее стабилизируют, обеспечивают ее воспроизводство. Существование подобных стабилизаторов (стереотипов) связано с регулярной повторяемостью сходных ситуаций и сходных потребностей; они являются традиционными способами «решения» типовых ситуаций. В этом смысле разные типы общества различаются также набором типовых ситуаций и соответственно набором разрешающих их стереотипов, характером этих стереотипов, типом их взаимосвязи, но не наличием или отсутствием их.

Общества различаются, кроме того, определенным типом соотношения стереотипизированных и нестереотипизированных форм человеческой деятельности, механизмом их взаимодействия, темпом и способами обновления стереотипов и каналами их распространения. Жесткая, охватывающая все сферы жизни система стереотипов, которая отличала общества в прошлом, не означала стагнации культуры, т. е. абсолютного сходства воспроизводившихся социальных институтов, вещей, обрядов, фольклорных текстов, мелодий и т. д.

В фольклористической текстологии считается, что абсолютное совпадение двух записей ставит одну из них под сомнение (перепечатка? фальсификация? копия?). Десятки женщин — участниц обряда или праздника, жительниц одного села — были одеты в одежду одного типа (кроя), украшенную однотипным орнаментом, однако ни один комплект одежды обычно не повторял абсолютно и буквально другой; они соотносились не как копии, а как варианты. То же можно было бы сказать и о женских украшениях. Это была живая игра возможностей реализации одного и того же типа (стереотипа). Женщины в праздничной толпе воспринимались совсем не так, как иной раз выглядят участники современных этнографических ансамблей, одетые в одну сценическую униформу подобна солдатам одного полка или пожарным одной пожарной команды. Сходность и однотипность не были связаны с установкой на безличность, автоматическую взаимозаменяемость (вспомним у Б. Брехта: «Что тот солдат, что этот»). Они возникали на основе общего представления о том, как надлежит одеться в том или другом случае, каков должен быть сарафан или понева, как должна быть вышита рубаха и т. д., и допускали индивидуальные варианты, разумеется, в пределах довольно жестко обозначенной традиции. Проходя по улице села, мы встречались с десят-

⁴ Подробнее см. Чистов К.-В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования. — Сов. этнография, 1981, № 2, с. 105—107.

⁵ Лотман Ю. М. Лекции по типологии культуры. Тарту, 1970; Успенский Б. Л., Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры. — В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту: Изд-во Тартуск. ун-та, 1971, в. V, с. 144—167.

ками, а иногда и сотнями однотипных построек, но легко ориентировались в этом селе, значительно легче, чем в каком-нибудь новом квартале современного города, постройки которого возведены индустриальным способом по одному проекту. Традиционные дома могли быть постройками одного типа, но все же не копиями, а вариантами по отношению друг к другу.

Не следует думать, что варьирование текста сказки, деталей одежды или жилища было связано с несовершенством человеческой памяти или неспособностью точно воспроизвести ту или иную вещь, как это делают по чертежу рабочие на современном заводе. Разумеется, эти факторы могли играть какую-то роль, но роль явно второстепенную. Ведь даже при изготовлении деталей современных машин, в условиях, когда до момента сборки остается неизвестным, какой именно экземпляр той или иной детали должен будет сочетаться с экземпляром другой детали, существует инженерное понятие «допуска», т. е. возможного предела неточности обработки, который иной раз измеряется десятками и даже сотыми долями миллиметра.

Стереотипы могли становиться стереотипами только благодаря их определенному свойству (или качеству) — пластичности, т. е. способности адаптироваться (функционализировать) в типовых, но все-таки изменяемых ситуациях. Поэтому есть все основания говорить о варьировании самих стереотипов, а не только нестереотипизированных форм человеческой деятельности. На эту особенность традиции обычно мало обращается внимания, ибо этнографов (как и фольклористов) интересуют не столько отдельные вещи, явления или тексты и их эмпирические особенности, сколько их типы, модели, инварианты. Этнографы и фольклористы обычно оперируют некими обобщениями, абстракциями, мысленно освобожденными от эмпирических частностей, в том числе и от такой частности, как варьирование. Выделяя инвариант, порой забывают о том, что он может существовать только за счет варьирования⁶.

Современная этнография отвергает привычные представления, согласно которым этнические традиции формировались как нечто единое уже в глубокой древности, а локальные традиции, известные по описаниям XIX в. или по более ранним документам, являются результатом позднейшего варьирования (т. е. в конечном счете результатом искажения, забвения подлинных традиций). В реальной истории народной культуры процесс разбивался, видимо, преимущественно в обратном направлении. Этническая традиция, тем более до периода урбанизации, существовала как вариационное множество местных традиций, сближавшихся и вырабатывавших общие черты в ходе своего развития и в процессе этнокультурной консолидации той или иной этнической общности — племени, союза племен, народности, нации.

Столь же ошибочно связывать вариативность преимущественно с архаическим обществом (невыработанность традиции) или, наоборот, с поздним этапом развития культуры, который будто бы является периодом изживания, забвения, упадка этнических традиций. Подобные альтернативы вообще должны быть сняты. Вариативность и стабильность существовали всегда, хотя и выступали в разных формах и соотношениях. Вариативность есть способ и одновременно условие существования традиции. Без нее никакая традиция (т. е. относительная стабильность и длительность воспроизведения) не может существовать. Разумеется, как уже говорилось, в ходе истории менялся и набор стереотипов, и их характер.

Мы не утверждаем, таким образом, что варьирование в определенной ограниченной зоне важнее, чем существенные изменения в народной культуре (инновации) или тем более перестройка всей системы традиционно-бытовой культуры. Однако очень важно осознать, что существенные

⁶ См., например, *Левинтон Г. А.* К проблеме изучения повествовательного фольклора. — В кн.: Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа (1895—1970). М.: Наука, 1975, с. 303—319; *Иванов В. В.* Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах. — Там же, с. 44—76.

изменения происходили на фоне непрерывного синонимического варьирования, обратимых замен, которые таят в себе возможность расширения зоны варьирования, а при определенных условиях и существенных изменений.

Сочетание стабильности и вариативности не есть исключительная специфика традиционно-бытовой культуры и даже культуры вообще. Подобное сочетание составляет суть весьма широкого класса явлений, которым свойственна длительность (временная протяженность), реализующаяся вместе с тем в отдельных (дискретных), но преемственно связанных друг с другом актах, предметах, особях. Этот класс явлений охватывает все виды самовоспроизводящихся организмов или систем. Видовая устойчивость их (генетический гомеостаз) обеспечивается генетическим кодом (генотип), а мутации связаны с его реализацией в относительно устойчивых, но вместе с тем варьирующихся экологических ситуациях. Современная биология выделяет фенотипы, т. е. классифицирует особи одного вида по их внешним признакам. Они могут быть второстепенными (или даже третьестепенными) в масштабе общебиологической классификации, но могут оказаться достаточно важными для других целей, особенно когда речь идет об изучении не только самых общих закономерностей бытия, а форм и типов их реализации. Кстати, этнография — одна из наук именно такого рода. Ее интересуют не только общие закономерности развития этносов и их культуры, но и типология форм и способов реализации этих закономерностей⁷.

Подчеркивая весьма широкий характер сферы, в которой стабильность сочетается с вариативностью или, точнее, реализуется в ней, мы должны вместе с тем не упустить из виду и то обстоятельство, что в разных сферах и слоях культуры, на разных этапах ее развития механизм этой реализации был, по-видимому, неодинаковым.

Мы далеки, разумеется, от мысли в краткой статье охватить эту проблему в целом, притом еще в ее историческом развитии. Мы сочли необходимым показать теоретическую важность проблемы и наметить отдельные вопросы, с нею связанные, особенно те, которые могли бы стать предметом дальнейшего обсуждения. Один из них — специфика сочетания стабильности и вариативности в разных сферах и исторических слоях культуры — уже упоминался. Назовем и некоторые другие. Это основные факторы, способствующие стабилизации традиции и формированию ее вариационного механизма. Это и различные типы варьирования: вариативность, которая влечет за собой существенные изменения, имеющие характер исторических инноваций; так называемое «вибрирование», т. е. варьирование как чередование обратимых замен элементов с одинаковыми функциями; варьирование как чередование редукции и амплификации (свертывания и развертывания); варьирование и так называемое перекодирование; специфика варьирования явлений, имеющих открыто коммуникативный характер, и отсюда специфика варьирования восприятия и воспроизведения и т. д. И наконец, специфика стабильности и вариативности в традиционно-бытовой культуре в условиях современного урбанизированного общества; вариативность и изменчивость в современных условиях.

Вероятно, мы смогли бы выявить специфику соотношения стабильности и вариативности в различных сферах и слоях культуры, если бы предварительно рассмотрели хотя бы в общих чертах мало исследованный вопрос о характере существования (экзистенции) и характере материализации явлений, попадающих в поле зрения этнографа. Нам представляется это важным, так как именно с различными формами экзистенции связаны особые способы накопления и передачи информации, характерные для определенных сфер и слоев традиционно-бытовой культуры.

Традиционная бытовая культура — явление многофункциональное и многослойное; она демонстрирует нам разные способы материализации

⁷ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории". М.: Наука, 1981 (гл. «Предмет этнографической науки и ее современное состояние»).

норм и представлений, лежащих в ее основе. В одних случаях мы встречаемся как с действиями, так и с материализованными результатами: человеческих действий — домом, орудием труда, одеждой, пищей и т. д., в других — с самими этими действиями (например, обрядовыми), и только с ними. Последние существуют лишь в момент их воспроизведения, а между актами воспроизведения — в сознании исполнителей и воспроизводятся только в действиях же — в невербальной или вербальной форме (обрядовые действия, стереотипы поведения, фольклорные тексты, инструментальные или вокальные мелодии и т. д.). Природа стереотипов в столь разных формах культуры весьма различна, и, что не менее важно, само существование интересующих нас явлений оказывается то непрерывным (или относительно непрерывным), то дискретным, находится в разных соотношениях с нестереотипизированными формами поведения (действий) или с его результатами.

Коснемся этого сложного вопроса в самом общем виде, пользуясь некоторыми примерами преимущественно из восточнославянской этнографии. Идеалы, нормы, шире — представления о жилище реализовались, в жилом доме, который строил его будущий хозяин в зависимости от наличия материала, рабочей силы, вообще достатка. После того как дом был построен, он использовался семьей, которая его населяла. Традиция в этом случае поддерживалась, таким образом, не только преемственностью стереотипных представлений о том, какое должно быть жилище и как его надо строить, но и практикой функционального использования дома. Несомненную роль играл также визуальный опыт. Однажды построенное жилище служило людям довольно долго, его могли перестраивать, но почти никогда не отказывались от него, поэтому его воздействие на образ мышления первичной социальной группы было относительно-длительным и непрерывным. Новые же дома строились той или иной семьей сравнительно редко.

Другие формы материальной культуры, например орудия труда, служили их создателям не столь длительное время, они воспроизводились чаще. Варьирование навыков функционального использования вещи при этом сопровождалось более интенсивным варьированием в процессе ее воспроизведения. Что касается традиционной одежды, то она относительно резко делилась на обыденную и праздничную или ритуальную, и первая «служила» их создателям или владельцам значительно более короткий срок. Вместе с тем праздничная и обрядовая одежда была предметом престижного соперничества. Крестьянки, даже жившие в бедных домах, стремились во что бы то ни стало иметь хорошую праздничную одежду, которая нередко передавалась из поколения в поколение. Длительность функционирования или редкость воспроизведения сопровождалась еще более интенсивным варьированием (разумеется, в пределах традиционной нормы, типа и т. д.) в процессе создания вещи. Между будничной и праздничной одеждой было и еще одно различие. Будничная функционировала почти непрерывно, следовательно, непрерывно накапливался и визуальный опыт и формировались стереотипы, т. е. идеалы, нормы и представления о границах минимального, максимального и оптимального их осуществления.

Традиционная пища также дает весьма сложную картину. Одноразовая и заготовленная впрок, будничная, полевая (или, например, на рыбацкой тоне) и праздничная отличались не только составом и способом приготовления, но и длительностью материального существования, частотой воспроизведения, силой воздействия фактора престижности и в конечном счете своеобразным типом трансмиссии традиции или — в аспекте интересующей нас темы — своеобразным механизмом варьирования, различной широтой диапазона варьирования, разным сочетанием набора стабилизаторов и факторов варибельности и, конечно, специфической природой стереотипов и их сочетанием с нестереотипизированными формами поведения.

С иными закономерностями встречаемся мы в сфере традиционных обрядов. Материализация, понимаемая значительно более условно, чем

е случаях, обсуждавшихся выше, осуществлялась здесь в форме определенных действий, употребления ритуальных предметов (либо традиции «превращения» обычных предметов будничного крестьянского быта в ритуальные) и, наконец, произнесения (исполнения) каких-то традиционных текстов или текстов, приобретавших традиционные функции. Во временных промежутках между актами исполнения обряда этот синкретический комплекс (например, свадебный) не существовал; он каждый раз воспроизводился по определенным правилам в соответствии с определенными стереотипизированными представлениями и нормами.

Мы не будем касаться специфики варьирования разных жанров фольклора, так как уже имели случай обсуждать некоторые специфические фольклористические проблемы, с этим связанные, в специальной публикации⁸. Подчеркнем лишь, что в сфере фольклора очень важны отличия жанров, в которых доминирующую роль играет в одних случаях эстетическая, в других — неэстетическая (прикладная, обрядовая, информационная и т. д.) функция. Различны правила запоминания и воспроизведения, а отсюда и механизм варьирования текстов, функционирующих в составе обрядовых комплексов или исполняющихся свободно, в любое время, при любой бытовой ситуации (впрочем, надо учитывать не только противопоставление «обязательность/факультативность», но и «факультативность/запрет»). Первым из них свойственны сильные внетекстовые связи, стабилизирующие текст.

Выделяются тексты сакрального характера. Их варьирование связано обычно не столько с синонимическими или существенными заменами, сколько с механизмом свертывания или развертывания (редукции или амплификации) при обязательном сохранении некоего минимума, без которого не может осуществиться вербальная магия. И наоборот, известны жанры с нарочитой установкой на импровизацию, на создание текста в процессе его произнесения (ср. формулу Р. Джорджиса: «Рассказ — это процесс рассказывания»).

В сфере обрядов и фольклора необходимо выделить формы, для которых характерна подчеркнута коммуникативная функция. При их анализе необходимо иметь в виду не только тип экзистенции текста и вариативность коммуникативных ситуаций, но и вариативность каждого из трех составных компонентов коммуникации: субъект коммуникации (экспедиент), вербальный или обрядовый «текст», играющий роль медиатора (посредника) коммуникации, воспринимающий (реципиент), который при следующем акте воспроизведения текста может превратиться в экспедиента.

Как уже говорилось, своеобразное соотношение варьирования и стабильности, варьирования и существенных изменений (новаций) складывается в эпоху урбанизации. У народов Европы процесс перехода от докапиталистического общества к современному урбанизированному совершался в различном темпе. Для нашей проблемы важно, что система традиционной культуры (даже сельского населения) превращалась при этом из закрытой в открытую, она больше не могла перерабатывать или приспособливать новации к архаической традиции; она сама подвергается размыванию и деформации и в конце концов перестает существовать как система. У одних народов (англичане, немцы, чехи) этот процесс начинается еще в XVII—XVIII вв., у других (русские, поляки, венгры) — только в XIX или даже (болгары, сербы) во второй половине XIX в. Процесс этот имел у каждого народа свои особенности. Очень важно, каково было к началу урбанизации состояние архаической бытовой традиции, сложившейся в основном в средневековье на почве натурального хозяйства и ограниченного обмена. Большую роль играла также этнокультурная и этнополитическая ситуация, напряженность и ори-

⁸ Подробнее см. Чистов К. В. Вариативность как проблема теории фольклора. — В кн.: *Mežetnicke vst'ahy ve folkore karpatskej oblasti*. Bratislava, 1980, s. 21—34.

⁹ Georges R. From Folktale Research to Study of Narrating. — In: *Folk Narrative Research. Some Papers Presented at the VI Congress of the ISFNR*. Helsinki, 1976, p. 159—169.

ентированность этнического самосознания, наличие или отсутствие нарочитого желания сохранять или быстрее расстаться с традиционными стереотипами поведения. Процесс смены стереотипов приобрел невиданную прежде интенсивность с распространением технических средств массовой коммуникации, школьного образования и быстрым расширением индустриального производства, охватывавшего все новые и новые участки быта — жилище, одежду, пищу, средства транспорта и т. д. Некоторые элементы старой традиционной системы выживают, приспособляясь к новым обстоятельствам, изменяя свои функции или входя в новую систему в качестве рудиментов, элементов фольклоризма, отступая на периферию (использование некоторых видов старой рабочей одежды в особых — экстремальных — обстоятельствах, использование старых орудий труда при обработке небольших, например приусадебных, участков земли, функционирование отдельных традиционных элементов свадебного обряда, которым придается игровой, а не ритуальный смысл, и т. д.).

Причины происходящих процессов многообразны. Мы не надеемся их исчерпать и назовем только некоторые:

а) изживание экономической и культурной замкнутости, которая была свойственна деревне докапиталистического периода;

б) отчуждение производимого продукта и в то же время потребление вещей и духовных ценностей, созданных за пределами первичной социальной группы;

в) смена системы ценностной ориентации, направленность ее в сторону города и по крайней мере центробежность ее;

г) смена контактного (face to face) типа трансмиссии культуры над-контактным (школа, радио, телевидение, кино, пресса, книги и т. д.) или по крайней мере важнейшая роль последнего. Вовлечение даже наиболее замкнутых первичных социальных групп в коммуникативно-информационную сеть, значительно более широкую по своим масштабам;

д) массовое промышленное производство предметов материальной культуры, при котором в обращении оказывается большое количество вещей, соотносящихся друг с другом как буквальные копии (невариативные соотношения);

е) интенсивное развитие способов материальной фиксации явлений духовной культуры (книги, нотация музыки, звукозапись и шире — фонозапись), ставящее процесс их воспроизводства в прямую зависимость от способов фиксации;

ж) развитие воспроизводящих приспособлений (кино, проигрыватели, магнитофоны, видеокассеты и т. д.) и проникновение их в быт.

Действие названных факторов (по-видимому, и других, которые здесь не были названы и которые еще предстоит выявить) повлекло за собой перестройку системы формирования стереотипов: набор и способы их воспроизведения и соотношение стабильности и вариативности как в сфере стереотипизированных, так и нестереотипизированных форм человеческого поведения.

Мы уже говорили о том, что в эпоху урбанизации резко возрастает темп накопления и смены стереотипов почти во всех сферах человеческой деятельности. Это приводит к смене набора стереотипов и их содержания. Следует подчеркнуть при этом весьма существенные различия как в наборе, так и в содержании стереотипов в двух различных социальных системах современного общества — социалистической и капиталистической.

Вместе с тем при сохранении гетерогенности набора стереотипов, которая всегда была свойственна человеческой культуре, заметно возрастает объем репертуара (набора) стереотипов и, что очень важно, уменьшается количество типовых ситуаций, предопределяющих обязательность или запретность употребления тех или иных стереотипов (например, ситуации ритуальные, магические, символические и т. д., табуирование, посты и т. д.). Все это ведет к тому, что возрастают возможности индивидуального или группового выбора стереотипов. Так, современные женщины могут относительно свободно решать, надевать им в определенных

ситуациях юбки мини, миди или макси, брюки, шорты или бикини и т. д. Разумеется, сохраняются типовые ситуации, которые накладывают определенные ограничения: в театре в бикини можно быть только на сцене. Однако количество подобных ограничений стало заметно меньше (в театр можно прийти не только в вечернем платье, но и в брюках и т. д.). В сфере одежды резко уменьшились половые и социальные различия, снят целый ряд функциональных ограничений (в театр можно прийти в одежде спортивного покроя; джинсы и комбинезон перестали быть исключительно рабочей одеждой и т. д.), но в большей мере сохраняются возрастные различия (одежда лиц пожилого возраста, детей и т. д.).

Расширение возможности выбора (селекции) и группировки стереотипов сопровождается резким снижением вариативности самих стереотипов или форм их реализации — они производятся в массовом порядке в большом количестве совершенно сходных друг с другом экземпляров. Даже в сфере духовной культуры распространяются различные способы материальной фиксации нематериализованных по своему характеру форм человеческой деятельности (кино, звукозаписывающие аппараты). Все это приводит к стабилизации (стагнации) стереотипов. Воспроизводятся уже не модели текстов, а одни и те же тексты. Этому способствуют не только фиксации текстов, но и способ их воспроизведения. Сравним восприятие письменного текста, который представляет собой кодирование сегмента естественного языка (читатель при этом совершает вторичный акт декодирования, прочтения текста), и не требующее декодирования прямое восприятие «текста» в кино, телевидении, при использовании магнитофона и т. д. «Декодирование» во втором случае происходит с помощью технических средств — киноаппарата, звукозаписывающего аппарата, экрана телевизора и т. д. Рядом с, казалось бы, весьма индивидуализированными формами художественного творчества возникает целое море так называемой «массовой культуры», степень стандартизации (стереотипизации) которой выше, чем это было в сфере традиционного фольклора и традиционного народного искусства. Я имею в виду вестерны, детективные и бульварные романы и фильмы, популярные шлягеры и т. д., буквально насыщенные стереотипами (штампами) самого разнообразного типа и уровня. Длительное манипулирование читательским сознанием приводит к стереотипизации восприятия ничуть не меньше фольклорного, а если учесть полное отсутствие локального варьирования, столь характерного для архаической традиции, то придется признать, что она сильнее распространена по крайней мере вишь¹⁰.

Возникает и все более укрепляется ситуация, для которой характерно снижение интенсивности творческой деятельности на полюсе восприятия. Но, разумеется, оно не может прекратиться вовсе. Оно все же остается восприятием, т. е. процессом, требующим известной активности. При этом следует учитывать возросшую условность целого ряда театральных, музыкальных, литературных форм и особенно форм изобразительного искусства. Различия в степени интенсивности и глубины восприятия становятся все более индивидуальными, личностными. В этой сфере возможности выбора (селекции) значительно более ограничены, чем в сфере материальной культуры, и создается относительно более жесткая система информации (ср. возможность выбора книги при наличии библиотек, в фондах которых много тысяч и даже миллионов книг, и ограниченность выбора в сфере кино, телевидения и т. д.). Воспроизводящие аппараты индивидуального пользования несколько компенсируют эту жесткость. Вместе с тем характерно развитие других форм компенсации — резкий рост элементов импровизации (предельная форма вариативности) в современных танцах, в эстрадной музыке, в массовой гитарной песне и т. д.

¹⁰ См. содержательное исследование стереотипизированных форм современной «массовой культуры» — бульварной литературы, комиксов, кино и т. д. в сборнике финских исследователей «Folklore tänään. Toimittaneet H. Laukonen ja K. Mäkinen». Helsinki, 1974. Здесь же (с. 197—204) см. библиографию важнейших работ на эту тему.

мы коснулись только некоторых принципиальных теоретических вопросов, связанных с обозначенной в заглавии проблемой. Мы убеждены в том, что вариативность (точнее, соотношение традиции, или стабильности, и вариативности) должна быть признана одним из "важнейших" свойств культуры вообще и традиционно-бытовой культуры в особенности. Она должна быть систематически изучена. Продемонстрировать методы, которые при этом могли бы быть использованы, и было целью настоящей статьи.

С.А.Арутюнов, Э.С.Маркарян, Ю.И.Мкртумян

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ . ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТНОСА

На современном этапе развития этнографической науки возникает необходимость проведения таких исследований культуры этноса, которые могли бы дать возможность описать ее в виде ряда взаимосвязанных подсистем, каждая из которых выполняет специфические задачи адаптации к меняющимся условиям социальной и природной среды. Это предполагает установление значительно более тесных творческих связей этнографии с культурологией, призванной исследовать культуру теоретически как определенный целостный феномен. В свою очередь для культурологии очень важны опыт этнографии в изучении народов, особенно под углом зрения локального исторического разнообразия культуры человечества, а также основные принципы и система понятий, в которых кристаллизуется этот опыт. Взаимная заинтересованность данных областей ставит на повестку дня выработку особого типа интегративных исследований. Его можно назвать этнокультурологическими исследованиями¹.

В 1976 г. авторы настоящей статьи поставили перед собой задачу проведения подобного этнокультурологического исследования применительно к культуре жизнеобеспечения. Организационным центром исследования явился Отдел теории культуры Института философии и права АН Армянской ССР, все сотрудники которого приняли непосредственное и активное участие в его осуществлении. В исследовании на различных его этапах принимали участие также отдельные сотрудники Института этнографии АН СССР, Института археологии и этнографии АН Армянской ССР, студенты исторического факультета Ереванского госуниверситета. В качестве предмета изучения были взяты системы жизнеобеспечения как подсистемы культуры армянского села.

Естественно, что перед авторами с самого начала встала необходимость определения пространственных и временных рамок исследования. В пространственном отношении следовало ограничить исследование таким образом, чтобы материал был в достаточной степени репрезентативным и для Армении в целом, и для ее различных экологических зон. Временные же рамки должны были охватить период, выражающий качественно разные уровни социально-экономического и бытового развития.

Учитывая особенности природно-географических, социально-экономических и бытовых условий, авторы остановили свой выбор на историко-культурных районах Сюник, Ширак и Айратат, значительно отличающихся друг от друга в указанных отношениях. Определить временные рамки было легче: полевым этнографическим исследованием путем анкетного интервьюирования можно было охватить все прошедшее столетие, а это как раз период, отмеченный крупнейшими сдвигами в поли-

¹ *Markarjan E. S. Ethno-Culturology and Ethnographic Studies.— Problems of the European Ethnography and Folklore. Summaries. II Congress of the International Society for European Ethnology and Folklore. Moscow, 1982, p. 192—195.*